

XIX.

Вотъ все, чему онъ научился,—
 Свидѣтель университетъ!
 Хотя-бъ Рафаэль самъ трудился—
 Не лучше-бъ снялъ съ него портретъ.
 Теперь, какими же судьбами,
 Меня вы спросите опять,
 Сидитъ въ трактирѣ онъ
 Извольте слушать и молчать.
 Рожденный пылкимъ отъ природы,
 Не долго былъ онъ средь оковъ:
 Искаль онъ буйственной свободы—
 И сталъ свободнымъ, былъ таковъ!

XX.

Какъ вихрь иль конь мятежный въ полѣ
 Летитъ, въ свирѣпости своей,
 Такъ въ первый разъ его на волѣ
 Узрѣлъ я въ пламени страстей.
 Ни вы—театры, маскарады,
 Ни дамъ московскихъ лучшій свѣтъ,
 Ни петиметрскіе наряды—
 Не были думъ его предметъ.
 Нѣтъ, не такихъ мой Саша правилъ:
 Онъ не былъ отъ роду бонтонъ,
 И не туда совсѣмъ направилъ
 Полетъ орлиный, быстрый онъ.

XXI.

Туда, гдѣ шумное веселье,
 Въ рояхъ неистовыхъ, кишить,
 Отколь всѣ свѣта принужденья
 И скромность ложная бѣжить;

.....
 Туда, туда всегда стремились
 Всѣ мысли друга моего,
 И Вакхъ, и Момусъ веселились,
 Принявъ въ товарищи его.

XXII.

Въ его пирахъ не проливались
 Ни Донъ, ни Рейнъ и не Токай;
 Но сильно, сильно разливались
 Иль пуншъ, иль грозный сиволдай.